

В. РЫНДИН,
народный художник СССР

ВИЛЬЯМС СЕГОДНЯ

МНЕ ОЧЕНЬ хорошо, очень ярко запомнилась первая встреча с искусством Петра Владимировича Вильямса на генеральной репетиции «Ивана Сусанина» в Большом театре. Я был тогда поражен сразу первой картиной — картиной осени в русской деревне, национальным колоритом русских костюмов хора. Чрезвычайно поразил меня и величественный польский бал, красота сочетаний черного с золотом, синего с золотом, красных одежд духовенства, легких, прозрачно-дымчатых и белых костюмов вальса. Здесь я впервые воочию понял, что театральная живопись динамична, что с уходом одной группы и с появлением другой, с каждой переменной мизансцены меняется вся изобразительная, цветовая структура, найденная художником. Живопись в театре так же динамична, как музыка.

Не меньше поразил меня красотой, знанием эпохи, живописной изысканностью и второй спектакль — «Ромео и Джульетта». Декорация синей лоджии, чудесное ренессансное панно картины сцены бала, комната Джульетты, иллюзорная, в чем-то напоминающая старинную театральную живопись, декорации Мантуи — все казалось мне непревзойденным шедевром, что со временем и подтвердилось. До сих пор не могу забыть его «Золушку» — синюю комнату Принца (вообще Вильямс был мастером колорита, построенного на сложных, рискованных сочетаниях синего с крас-

ным), — замечательный, претворяющий мотивы архитектуры рококо зал. И эту работу можно причислить к классическим образцам советского декорационного искусства.

...Вильямс одним из первых принес в советский театр подлинную, настоящую тонкую живопись с ее валерами, лессировками, со всеми ее нюансами. Он виртуозно работал с тюлями, добиваясь объединения планов в единое живописное целое. Я помню его цветущий сад в опере «Поднятая целина». Он создал в театре воздушную перспективу. Падуги утратили свой привычно-театральный вид с резким членением на планы. Из марева падут возникал задник — прозрачный, кристальный воздух с тающей, светлой живописью цветущих садов. Этот задник ложился на планшет, незаметно переходя в устлавший сцену зеленый ковер, еще более убирая обычно свойственное декорации жесткое, непластичное деление пространства планами, еще более создавая образную, полную настроения иллюзию весны, обаяние внешнего пейзажа, уходящего в воздушную, живую даль.

Авторство Вильямса можно всегда узнать по особенной красоте всего, что приносит художник на сцену, по отсутствию в его работах мертвого «театрального режизита». Это художник Красоты, ее преданный рыцарь и защитник. Вспомните «Ромео и Джульетту» — там много вещей, которые могли бы выглядеть просто бутафорией, много приемов, которые могли бы выглядеть су-

сальными: скажем, введение в декорации и костюмы золота. Он же применял золото, парчу всегда так умело, он был таким мастером вещей, мастером костюма, что один из немногих смог сохранить в театре все очарование картины Возрождения, где ткани, бронза, скульптура выглядят не театральной роскошью, а высоким живописным достоянием.

Неповторимо своеобразно решал он свои русские вещи; скажем, такую отягченную грузом изобразительных штампов оперу, как «Евгений Онегин». Тонкий пейзажист, насытивший картины природы удивительным светом и воздухом, блестящий знаток ампирного быта, нашедший характерные детали в убранстве интерьеров, мастер «сценического натюрморта», он все решал с неизменным своеобразием, со своим, вильямсовским очарованием и всегда точно и мгновенно воздействовал на ум и воображение зрителя.

Вероятно, в такой самобытности сказалось творческое прошлое художника. Он пришел в театр уже будучи известным, признанным членом ОСТА. В его станковой живописи, несколько напоминающей ранние работы Юрия Пименова, угадывался мастер необычайно интересный, с огромными возможностями. И театр оказался для Вильямса таким благодарным краем, где все его возможности были реализованы. За дебютом на сцене МХАТа последовали один за другим спектакли, принесшие ему настоящую любовь публики, признание критики, симпатии режиссуры.

В этих спектаклях всегда ощущалась «живописная юность» Вильямса. Достаточно вспомнить поразительные по иронии, сарказму, яркой диккенсовской образности, необычайно современные по манере, блистательно скомпонованные, характерные по своему цветовому решению панно для спектакля МХАТа «Пиквикский клуб». Последовательный приверженец живописного метода, Вильямс никогда не был однообразным, неизменно владея тем трудным даром перевоплощения, который так необходим художнику театра. Вот откуда широкий диапазон театральных произведений Вильямса — от грациозного изящества века Людовика в мхатовском «Мольере» до строгой, монументальной суровости «Марии Стюарт» в Театре Революции.

В свое время он оказывал большое влияние на всех художников нашего поколения и на меня тоже, такие впечатления не проходят даром, откладывают всегда глубокий след в творческом сознании и потом неожиданно приносят свои плоды. Мы часто говорим об испытании временем. Вильямс с честью выдерживает это испытание.

Мне самому не один раз довелось видеть, какими аплодисментами разражается зал, когда в зарубежных гастролях открывается занавес и публика видит декорации и костюмы Вильямса. Признанный и у себя на Родине, и за границей, этот художник завоевал долговечность и мировую славу целому ряду спектаклей. Назову среди них прежде всего балет «Ромео и Джульетта».

Не будь там Вильямса, не было бы такого оставшегося в истории спектакля. Фактически он своим оформлением сыграл во многом роль режиссера, роль подлинного организатора сценического пространства и зрелища, утвердил ренессансные масштабы этого произведения. Щедро делился своими знаниями, он знакомил актеров с итальянской живописью непосредственно в Эрмитаже, у «первоисточников», старался соробить им живое ощущение великих шекспировских образов. Успех этого спектакля — в значительной степени успех художника.

Вильямс придавал огромное значение эскизу. По существу, он доказал, что эскиз — полноценное произведение искусства. Недаром он так выигрышно выглядел в ретроспективном разделе юбилейной Всесоюзной выставки художников театра и кино.

Сегодня убеждаешься в жизнеспособности и перспективности всех творческих заветов Вильямса. В деятельности множества талантливых мастеров, в опытах и начинаниях нашей молодежи, где есть яркие, оригинальные живописцы, утверждают те безграничные возможности живописи на сцене, которые в свое время неопровержимо доказал Вильямс. Сегодня ему исполнилось бы шестьдесят пять лет. Его ранняя кончина была настоящей трагической утратой для отечественного декорационного искусства (в частности, остались незавершенными прекрасные эскизы к «Медному всаднику» Р. Глиера). Но то, что успел создать Вильямс, сегодня составляет бесценное наследие, которым мы гордимся, которое надо изучать.

“СОВЕТСКИЙ ИСКУССТВО”
МОСКВА

30 МАЯ 1957